

Похвалив стекло семьи Хань, Шэнь Ко вдруг вспомнил, что Хань Мяо, судя по всему, происходит из боковой ветви семьи Хань из Аньяна, и ходили слухи, что лавка семьи Хань имеет поддержку министра Хань. Возможно, министр Хань уже знал об этом.

Как и ожидалось, Хань Ци слегка кивнул:

— Это зеркало — орудие государства. Мы доложим об этом императору. Вы обладаете талантом и изобретательностью, и император непременно вас наградит.

Сердце Шэнь Ко наполнилось радостью, и он тут же поклонился в знак благодарности. Всё это благодаря советам молодого друга Чжэня, иначе как бы он смог создать зеркало тысячи ли? Однако Чжэнь Цюн запретил ему упоминать об этом, желая присвоить всю славу себе, что всё же вызывало у Шэнь Ко некоторое беспокойство. Вдруг в его голове мелькнула мысль, и он, немного поколебавшись, произнёс:

— Есть ещё один вопрос, над которым я долго размышлял, и считаю, что должен доложить вам, министр.

Увидев, что Шэнь Ко говорит так серьёзно, Хань Ци спросил:

— Что это за вопрос? Расскажите.

Шэнь Ко стиснул зубы:

— В одной из книг говорится, что в области Цзяннань-дун, в Жаочжоу, есть гора Яньшань, где в изобилии встречается купоросная вода. Местные жители, погружая в неё железо, могут извлекать медь. Я, заинтересовавшись, лично отправился туда, чтобы проверить, и обнаружил, что это действительно так, но причина этого явления долгое время оставалась для меня загадкой. Однако, когда я создавал зеркало тысячи ли, один даосский наставник объяснил мне, что купоросная вода — это медь, растворённая в воде. Исходя из этого, можно предположить, что вблизи горы Яньшань должна находиться медная руда, и её запасы должны быть огромными!

Медная руда! Выражение на лице Хань Ци наконец изменилось:

— Это правда? Где этот даосский наставник?

— Он живёт в западной части города, в доме Хань Мяо, владельца лавки семьи Хань, где ему оказывают почтение. Он лично продемонстрировал мне процесс растворения меди в купоросной воде и её последующего извлечения с помощью железа, и это вовсе не было обманом. Я считаю, что нужно немедленно отправить людей на гору Яньшань, чтобы всё проверить! — серьёзно сказал Шэнь Ко.

Он уже бывал на горе Яньшань, где в эпоху Тан велась добыча руды. Сейчас старые рудники истощились, но купоросная вода всё ещё просачивается, что указывает на наличие где-то поблизости более крупного месторождения. Финансы императорского двора находятся в напряжённом состоянии, и наблюдается дефицит монет. Если обнаружить крупное месторождение, это будет огромной заслугой. Он честно доложил об этом, и в будущем, при распределении наград, Чжэнь Цюн также получит свою долю! Таким образом, он сможет отблагодарить молодого друга Чжэня за его помощь...

□

Хань Мяо тоже ждал новостей. После того как Шэнь Ко создал зеркало тысячи ли, стеклянная лавка оказалась на грани выживания. Он уже не раз обсуждал это с Чжэнь Цюном и принял все необходимые меры. Доклад Шэнь Ко непременно пройдёт через два министерства, и если что-то произойдёт, Хань Ци, несомненно, вызовет его для обсуждения. Всё зависело от того, смогут ли его приготовления впечатлить чиновников двух министерств и даже самого императора.

Ещё до окончания рабочего дня из канцелярии министра прибыл управляющий, сообщив, что министр желает его видеть.

Вот оно! Хань Мяо не колебался и последовал за ним. Прибыв в резиденцию министра, он ждал целых два часа, прежде чем Хань Ци вернулся домой и тут же вызвал его к себе.

— Ты когда-то упоминал о подзорной трубе. Её действительно создали. Все считают, что это орудие государства, и некоторые даже предложили закрыть твою лавку, — сразу же заявил Хань Ци, увидев его.

Если бы на месте Хань Мяо был кто-то другой, он бы, вероятно, уже упал в обморок от страха. Однако Хань Мяо лишь спокойно улыбнулся:

— Раз вы так говорите, дядя, значит, это предложение было отклонено?

Не сумев напугать его, Хань Ци наконец улыбнулся:

— У тебя действительно крепкие нервы.

Хань Мяо тоже рассмеялся:

— Говорить на языке денег всегда надёжнее.

После того как он преподнёс очки долголетия, Хань Мяо уже обращался к Хань Ци, прямо заявив, что Шэнь Ко изучает подзорную трубу, и что это зеркало полезно для государства. Тогда Хань Ци был немного озадачен: если это действительно так, зачем Хань Мяо дарил ему очки долголетия? Если лавка действительно откроется, разве это не создаст конфликта с государственными интересами?

Однако слова Хань Мяо заставили его изменить мнение. Всё сводилось к двум словам — «порох».

Порох существовал уже довольно долго, но только в эту династию его начали использовать в военных целях. И даже после того, как был составлен «Собрание военных канонов», подробно описывающий применение различных видов оружия, в народе всё ещё использовали фейерверки и петарды. Так же, как железо можно использовать для изготовления доспехов, так и для сельскохозяйственных орудий. Любое изобретение не ограничивается одной функцией. Если из-за подзорной трубы строго запретить народу производить цветное стекло и стекло, это будет несправедливо.

Хань Ци не был человеком, цепляющимся за старые порядки. Напротив, прослужив девять лет министром, он пережил три правления и обладал гораздо более широким кругозором, чем другие. Он мог понять эти слова. Однако, если стеклянная лавка действительно откроется, её прибыль будет немалой, что вызовет зависть и приведёт к появлению других идей. И среди этих людей может оказаться даже сам император, стремящийся пополнить казну. Если запретить свободную торговлю стеклом, разве это не вызовет головной боли?

На этот вопрос Хань Мяо дал весьма разумный ответ. Если ему просто запретят открывать лавку или отберут его рецепты, сколько дохода это принесёт государству? Производство стекла — это не пивоварение или выращивание чая, для которых требуются огромные площади и чайные плантации, которые государство может легко монополизировать. Напротив, стекольная печь может быть очень маленькой, достаточно простого сарая в горах. Если государство монополизировало производство или переведёт его в государственное управление, скорее всего, прибыль попадёт в руки чиновников и богатых купцов.

А что, если не запрещать производство стекла, а просто повысить налоги? Купцы, стремясь к прибыли, как мухи на мёд, даже при повышении налогов всё равно будут производить стекло. А стекло — это не то, что может позволить себе обычный человек, так что повышение цен и налогов лишь увеличит доходы от богатых и знатных людей, не причиняя вреда простому народу. И как только повысятся налоги на стекло и другие предметы роскоши, ежегодный доход казны от торговых пошлин увеличится в разы.

Этот аргумент действительно убедил Хань Ци. Именно поэтому он поддержал Хань Мяо в организации большого спектакля по продвижению очков. Сейчас стеклянные изделия уже стали популярны в Восточной столице, и количество стекольных мастерских значительно увеличилось. Резкое повышение налогов может привести к закрытию некоторых мелких мастерских, но для большинства крупных предприятий это будет лишь небольшая потеря.

Глядя на уверенное выражение лица Хань Мяо, в глазах Хань Ци мелькнуло одобрение, но он лишь сказал:

— Чиновники действительно заинтересовались предложением о повышении налогов. Однако, если это будет доложено императору, неизвестно, насколько повысятся налоги. Если они увеличатся более чем в два раза, как ты будешь продавать свои очки?

Никто лучше Хань Ци, министра, не понимал мысли императора. Пустая казна уже стала главной проблемой для Чжао Сюя. Услышав о таком способе пополнения доходов, он, возможно, увеличит налоги в два или даже три раза. Это будет означать, что налоги составят 20-30%, и это коснётся не только стекла, но и драгоценностей, нефрита и других предметов роскоши.

А очки — это не только линзы, но и оправы. Это не то, что каждый должен покупать, и если цены резко вырастут, продажи могут упасть.

Хань Мяо, однако, был совершенно спокоен:

— Моя лавка зарабатывает не на очках, а на стеклянных окнах. В будущем цена на оправы, возможно, увеличится, но линзы точно не изменятся. Это предмет для лечения, а не для извлечения прибыли.

Эти слова заставили Хань Ци кивнуть. Хань Мяо действительно действовал необычно. Ранее он уже раскрыл рецепт сахара, а теперь предложил повысить налоги без колебаний. Это уже не похоже на купца, скорее, он напоминает древнего мудреца, который «спас Лу и разрушил Ци».

Однако, несмотря на восхищение, это не было причиной, по которой Хань Ци вызвал Хань Мяо сегодня. Слегка улыбнувшись, он неожиданно сменил тему:

— В доме Цзиншэна, кажется, живёт даосский наставник, сведущий в искусстве плавки пилюль?

Сердце Хань Мяо пропустило удар. Неужели Шэнь Ко упомянул Чжэнь Цюна, представляя подозрительную трубу? Или он знает, что стекло в лавке семьи Хань было изготовлено по рецепту Чжэнь Цюна, и высказал это перед чиновниками? Зачем министр Хань задаёт этот вопрос?

Тысячи мыслей пронеслись в голове Хань Мяо, но он лишь на мгновение замешкался, прежде чем спокойно ответил:

— Да, такой человек есть, но он не состоит при доме в качестве наставника. Не скрою от вас, дядя, Чжэнь Цюн — мой возлюбленный, и мы связаны близкими отношениями.

Хань Ци остолбенел. Сегодня днём, когда Шэнь Ко упомянул «почтенного из семьи Хань», он вдруг вспомнил, что Хань Мяо также говорил о «молодом даосе», утверждая, что именно он указал на вред ртути. Однако тогда это было сказано вскользь, без подробностей. Теперь же, сопоставив эти факты, он увидел проблему.

Западная ветвь Хань за короткий год выпустила такие новые и прибыльные вещи, как белый сахар, духи и очки. Хотя это было связано с талантом Хань Мяо, Западная ветвь Хань ранее не занималась торговлей сахаром, пряностями или стеклом. За этой внезапной переменой должен был стоять кто-то, кто придумал эти новинки. И если связать всё это с тщательно скрываемым «даосским наставником», значение этого становится совсем иным.

<http://bllate.org/book/16827/1547499>